

Maria Kalenichenko

(Kyiv, Taras Shevchenko National University of Kyiv, Institute of Philology)

Semantic Organisation and Modal Characteristics of Impersonal Sentences in Czech

Abstract: This paper deals with the analysis of sentence modality. Modality is interpreted as a constructive element of a sentence in any of its functions. The main stress of the study is placed on the analysis of the semantic features which form the complex and multi-layered representation of modality.

Keywords: impersonal sentences, predicate core of a sentence, semantic parameters of impersonal sentences, modality

Мария Калениченко

(Украина, Киев, Киевского национального университета имени Тараса Шевченко, Института филологии)

Семантическая организация и модальные характеристики безличных предложений в чешском языке

В современной синтаксической теории предложение рассматривается как сложное образование, имеющее три достаточно автономных устройства: формальную организацию, смысловую (семантическую) и коммуникативную. Каждая из этих относительно самостоятельных сторон является объектом специального изучения, осуществляемого с ориентацией на другие аспекты организации предложения.

Современные синтаксические исследования в славянской лингвистике характеризуются, с одной стороны, расширением и уточнением объектов изучения и разработкой соответствующих методов для их описания. В центре внимания лингвистов-славистов находится предложение, как основной объект изучения, специфика его структуры и семантики, взаимодействие с другими синтаксическими единицами, функционирование отдельных типов предложения, непосредственно безличных, в истории славянских языков. Характерной особенностью современной лингвистики является максимальный интерес к смысловому аспекту языка, на первый план активно выступает функциональный анализ языковых явлений, которые обеспечивают условия для успешной коммуникации, отображая внеязыковую действительность в сознании человека. Это предполагает установление степени изоморфизма между структурированием процесса мышления и способами его вербализации, а также выявления способности языковых способов адекватно выражать многогранные отношения в объективной действительности.

В славянской лингвистике последней четверти XX века сместился акцент на контекстуальную организацию предложения. Предложение активно изучалось не

Мария Калениченко

только со стороны его формальной устроенности, но и со стороны „смысловой формы” организации содержания.

Значительный вклад в теорию семантической структуры предложения внесли научные работы американских и российских лингвистов Ч. Филлмора, У. Л. Чейфа, Ю. Д. Апресяна, Н. Д. Арутюновой, Г. В. Валимовой, В. Г. Гака, М. М. Гурмана, С. Д. Кацнельсона, Е. Д. Падучевой, П. В. Чеснокова, Н. Ю. Шведовой и других. Украинское языкознание представлено работами таких исследователей семантики и синтаксиса, как И. Р. Выхованец, К. Г. Городенская, С. Я. Ермоленко, А. П. Загнитко, Н. Л. Иваницкая, В. И. Кононенко, О. С. Мельничук, В. М. Русановский, К. Ф. Шульжук и других. В Чехии проблемы семантического синтаксиса исследовали Й. Ф. Андерш, Я. Бауер, Г. Беличова, Ф. Данеш, М. Докулил, М. Грeпл, Я. Корженский, Р. Мразек, П. Сгалла, К. Свобода, С. Жажа и другие лингвисты.

Нельзя сказать, что анализ предложения в этом направлении – совершенно новая страница в науке. В 70-80-х годах XIX столетия некоторые русские синтаксисты (А. Дмитриевский, В. Сланский и др.) пытались изучать предложение именно с этой стороны. А. Дмитриевский образно определил предложение как „драму мысли”, в которой сказуемое воплощает собою действие драмы, дополнения (субстантивные члены, в состав которых он включал и подлежащее) напоминают действующих лиц сцены, а обстоятельства рисуют обстановку, т.е. представляют собою самую сцену. Но это был только кратковременный эпизод в науке, не создавший устойчивой традиции.

Традиционный идеал синтаксического описания в XIX веке и в первой половине XX века не предполагал обращения к этой стороне предложения.

Необходимо отметить, что интерес к семантической организации предложения отражает в целом стремление современной лингвистики глубоко и полно осмыслить сущность семантики языковых единиц. Активизация исследования смысловой стороны предложения обусловлена необходимостью изучить эту синтаксическую единицу в единстве формы и содержания.

Особенность такого подхода определяется включением синтаксиса как одного из уровней языковой системы в общую проблему „действительность – мышление – язык”. В связи с этим при анализе смысловой устроенности предложения возникает необходимость обращения к логике, к соотношению языковых фактов с фактами внеязыковой действительности.

Несмотря на длинный список исследователей данной проблемы на материале разных славянских языков в реферируемых работах не прослеживается однозначности взглядов синтаксистов. Более того, практически каждый из них по-своему рассматривает вопросы категориальных и понятийных признаков семантического синтаксиса, используя собственную методику исследования синтаксической семантики, учитывая сложный характер содержания предложения и определяя три уровня представления – денотативный, логико-семантический и языковой семантики. Если денотативный уровень предложения ученые соотносят с реальными ситуациями, реальными предметами и отношениями между ними, логико-семантический – с логическими структурами, понятиями и отношениями между ними, то уровень языковой семантики – с семантико-синтаксическими структурами, лексическими компонентами и отношениями между ними.

В связи с развитием семантического синтаксиса особую актуальность приобрела высказывавшаяся в разное время многими лингвистами мысль о том, что в значении предложения соединены смыслы двух принципиально различных родов: объективные, отражающие действительность, и субъективные, отражающие отношение мыслящего

субъекта к этой действительности. Наиболее четко эту мысль выразил швейцарский ученый Ш. Балли, с именем которого она и связывается прежде всего. Ш. Балли (1955: 43-48) предложил для двух слагаемых значения предложения названия диктум (объективное содержание) и модус (выражение позиции мыслящего субъекта по отношению к этому содержанию).

Значение предложения, в отличие от значения слова и словосочетания, не может ограничиться обозначением объективной действительности – информацией о мире (диктумной частью значения). Предложение обязательно выражает также коррелятивную операцию, производимую мыслящим субъектом над объективным содержанием предложения: его оценку, выражение чувства или воли. „Выражаемую предложением мысль, – отмечал Ш. Балли, – нельзя свести к простому представлению, исключаяшему всякое активное участие со стороны мыслящего субъекта” (Балли 1955: 44).

В современной лингвистике заинтересованность семантической организацией предложения объясняется желанием ученых глубже понять суть семантики языковых единиц. Активизация исследований смысловой стороны предложения определяется необходимостью изучить данную синтаксическую единицу с точки зрения единства формы и содержания, что вызвано необходимостью привлечения синтаксиса как одного из уровней языковой системы к общей проблеме „реальность – мышление – язык”. Таким образом изучать семантику предложения возможно опираясь на какой-либо элемент триады, т.е. принимая во внимание смысловую сторону предложения возможно реализовать несколько направлений исследований (работы П. Адамеца, Й. Андерша, Н. Арутюновой, А. Мухина).

Определение учеными трех уровней функционального синтаксиса в славистике (формально-синтаксического, семантико-синтаксического, коммуникативного) повлияло на то, что произошла переориентация исследований с формального аспекта на семантический, который базируется на тех элементах в содержании языковых форм, которые являются непосредственным отображением объективной действительности.

В нашем исследовании активно используется теория семантического синтаксиса чешских лингвистов (труды П. Адамеца, Г. Беличовой, Ф. Данеша, Р. Мразека), которые считают, что семантическая структура предложения должна учитывать предикат и его семантико-синтаксическую валентность; она прогнозирует качественный и количественный состав левосторонних и правосторонних синтаксем.

Одним из основных принципов этой теории является утверждение Я. Бауэра о том, что семантическая структура безличного предложения в чешском языке определяется качественным уровнем безсубъектности: конструкции со значением отсутствия, невозможности лица, которое побуждает действие, образуют группу так называемых собственно безличных конструкций, а конструкции со значением устранения лица образуют группу предложений, безличность которых возникла в результате языковой актуализации, реализации языковой семантики (Bauer 1972: 129-130).

Основоположным принципом теории чешского безличного предложения является тот факт, что первая группа конструкций является группой завершенной, а элементы, которые входят в ее состав, можно перечислить с определенной степенью достоверности; это единственная группа, которая базируется на безвалентности глагола, а вторая группа является величиной открытой, которая регулярно пополняется

за счет действия в языке закона аналогии, а также в результате генетической специфики чешского языка (флективность, система падежей), см. Mluvniče 1987: 171.

Отдельную группу представляют безличные предложения, предикативное ядро которых составляют модальные глаголы. В таких безличных предложениях (их количество в рассматриваемых текстах является 15,6% от общего числа) категория модальности, которая формально выражается собственно модальными глаголами, образует определенную часть развернутой модальной сферы предложения.

Следует отметить, что чешские синтаксисты, определяя модальность в широком смысле, рассматривают эту категорию как непрменный атрибут каждого предложения (даже если тематически это не выражается). В частности Е. Бенешова считает модальность грамматически выраженным отношением говорящего к действительности, т.е. определяет модальность как субъективно-объективную категорию, но в специфическом понимании: „субъективно” – потому что речь идет об отношении говорящего, „объективно” – потому что в действительности это отношение всегда выражается объективными и никогда субъективными средствами (Paněnová, Benešová, Sgall 1971: 97).

Несколько иначе трактует эти понятия В. Шмилауэр, который говорит о так называемой „объективной” модальности, т.е. об отношении смысла высказывания к действительности, и о „субъективной” – отношении говорящего к смыслу высказывания (активная реакция на действительность), Šmilauer 1966: 21-31.

Очень близкой является точка зрения Г. Беличевой, которая занимается исследованием этого вопроса и подчеркивает тот факт, что ядром модального значения является отношение между участниками речевой ситуации с точки зрения их существования во внеязыковой реальности (Běličová 1983: 4).

Такое толкование видов модальности нам представляется более обоснованным, поскольку Г. Беличова и В. Шмилауэр пытаются учесть специфику модальности именно безличных предложений.

В научной литературе утверждается, что модальные характеристики предиката в славянских языках фактически определяются модальными характеристиками глагола. При этом накладывание модальной характеристики на предикат предложения исключает возможность накладывания данной характеристики на предикат логический, который проявляется при членении предложения на тему и рему.

Обратим внимание, что для чешских безличных предложений этой группы компонент со значением пассивного субъекта является обязательным, их семантика полностью соотносится с характеристикой человека, живого существа, а своеобразие заключается в том, что они передают отношение лица (особы) к какому-либо действию, состоянию или ситуации. Отношение же определяется не собственно особой, а внешними факторами и причинами, которые не зависят от воли особы.

Как показывают наши наблюдения, семантическая специфика безличных предложений данной группы создается соответствующим лексико-семантическим наполнением предикатов и падежным или инфинитивным оформлением синтаксисом. Например:

K vůli rodičů už bylo možno oko přimhouřit (K. Sezima);

K jiné přípovědi však nebylo možno hocha pohnouti (K. Sezima);

Je nutno s tím zacházet opatrně (L. Vaculik);

Na to se musí brát ohled (L. Vaculik).

В чешской лингвистике отмечается, что в зависимости от конкретного значения и от способа наполнения предикативного ядра безличные модальные предложения необходимо разделять на несколько подгрупп: конструкции со значением реальности и со значением нереальности, которые, в свою очередь, выражают возможность/невозможность определенного действия; желания/нежелания исполнения определенного действия; разрешение на исполнение; потребность; необходимость; принуждение исполнения того или иного действия (Paněnová, Benešová, Sgall 1971: 97).

Принимая во внимание предложенные чешскими учеными-славистами принципы токсономии модальных безличных конструкций, считаем целесообразным определить следующие подгруппы предложений:

- а. модальные конструкции, выражающие возможность действия, ее положительную оценку;
- б. модальные конструкции, выражающие желание/нежелание, старание выполнения какого-либо действия;
- в. модальные конструкции, выражающие значение необходимости, принуждения;
- г. модальные конструкции, выражающие необходимость действия.

Чаще всего (9,4% от общего числа исследованных безличных предложений) в чешском языке предикатами в конструкциях со значением возможности/невозможности выполнения действия выступают безлично-предикативные слова *možno*, *lze* и безличные глаголы соответствующей семантики, которые передают дополнительные оттенки одного и того же модального значения, например:

Jak bylo možno jíti v náhlém šeru (V. Dyk);
K vůli rodičů už bylo možno oko přimhouřit (K. Sezima);
Zdalo se mi, že zablouditi nemožno (V. Dyk);
A nebylo lze nobídnout mládeži hrdinu mládežnicktějšího než Julka Fučíka (P. Tigrid);
Je mi nemožno zde žít, nemožno prožít zde ještě jeden den a snad i noc (R. Jesenská);
Lze krást, lze zabíjet, ale jenom opatrně (V. Dyk);
Kéž by bylo možno zapomenuti (J. K. ze Lvovic).

В большинстве случаев модальное значение возможности/невозможности действия сопровождается фоновым значением пассивности: возможность осуществления действия предоставляется субъекту извне, не зависит от его воли или желания и поэтому субъект получает значение объекта предоставленного действия. Особенно ярко эта особенность проявляется при сопоставлении безличной пассивной конструкции и ее личного активного корелята:

Jemu dovoleno se koupat (B. Hrabal) – *Dovolili se mu koupat; Bylojí řečeno, aby šlaspat* (B. Hrabal) – *Řekli jí, aby šlaspat*.

Важным элементом реализованной теории безличных предложений является факт, что семантическая глубина таких односоставных конструкций определяется природой предиката, поскольку модальные слова *možno/nemožno* в чешском языке непосредственно соотносятся с личными глагольными формами *možno/moc*, например: *je ti možno... – může*. Поэтому на основе предикатов с таким модальным значением образуются специальные конструкции с обобщенным значением пассивности (Paněnová, Benešová, Sgall 1971: 110, 124).

Безличные модальные предложения с устраненным лицом такого плана нельзя считать компрессивами, поскольку они передают общее значение пассивности, например:

Jemi nemožno zde žítí, nemožno prožítí zde ještě jeden den a snad i noc (R. Jesenská) –
Nemůžu zde žítí, nemůžu prožítí zde ještě jeden den a snad i noc;
Jež bylo možno mysliti (V. Dyk) – *Mohla mysliti.*

В то же время чешские безличные глаголы с частицей *se* непосредственно не соотносятся ни с одной личной глагольной формой (Běličová 1982: 109), и поэтому сопоставимое с ними значение может передаваться приблизительно. При этом возвратный модальный глагол может заменяться глаголом *dá se*, который имеет идентичное модальное значение, например:

Může se to opět opakovat (B. Hrabal) – *Dá se to opět opakovat;*
Na dvou židlích se sedět nedá – *Na dvou židlích se sedět nemůže;*
Dalo se čekat (K. Čapek) – *Mohlo se čekat.*

Следующий семантический подтип модальных безличных предложений чешского языка составляют конструкции со значением желания/нежелания (2,5% от общего числа проанализированных структур). Предикативный центр таких предложений составляют рефлексивные глаголы соответствующей семантики *chtít*, *zamyšlet* и другие. Предикативную структуру составляют также облигаторный компонент со значением пассивного субъекта и инфинитив. Например:

Nechtělo se vám ani žítí, ani zemřítí (J. K. ze Lvovic);
Nechce se mu svůj příběh rozvíjet nazpátek (B. Říha);
Chtělo se mi plakat a smát se (Z. Mája);
Chtělo se mi spát (O. Vočková);
Chtělo se mu totiž dřít (K. Čapek).

Семантическая специфика таких чешских безличных конструкций заключается в том, что они эмоционально окрашены и передают модальное значение как состояние, которое субъект ощущает подсознательно, как результат психологических, внутренних причин. Таким образом семантически такие предложения очень близки к безличным конструкциям со значением состояния человека (лица). Такая семантическая близость способствует и структурной схожести – наличию рефлексивного глагола-предиката и дательного падежа пассивного субъекта, например:

Nějaký čas nechtělo se mu než vegetovat (K. Sezima);
Nechtělo se mu do toho (P. Tigrid);
Nechtělo se vám ani žítí, ani zemřítí (Jiří K. Ze Lvovic);
Nechtělo se mi tomu věřit (O. Vočková).

Приведенные выше конструкции являются одним из возможных результатов модального оформления экстралингвистической ситуации. Во многих случаях прослеживаются и другие типы корреляционных связей безличных предложений с личными двосоставными конструкциями, где одно и то же состояние передается уже как осознанное, т.е. с помощью активного залога. Например:

Chtělo se mu spát – *Chtěl spát, Chtělo se mu dřít* – *Chtěl dřít.*

Следующую семантическую группу модальных безличных конструкций чешского языка составляют предложения, которые выражают модальное значение

необходимости исполнения действия (1,9% от общего числа). Предикативное ядро таких предложений учитывает специфику значения необходимости исполнения действия. В безличных предложениях данной группы видим употребление модального глагола *muset*, *mít*, безлично-предикативных слов *nutno*, *třeba* в сочетании с инфинитивом, например:

Bylo nutno odejíti (J. K. ze Lvovic); *Nebylomožné topozvání nepřijmout* (L. Vaculik);
Jak by se mělo říkat holčičce od surovce? (K. Čapek); *Nutno začítí zpředu* (P. Kles).

Стоит отметить, что конструкции данного типа передают значение необходимости, которую пассивный субъект в форме дательного падежа воспринимает как данность продиктованную извне, не зависимо от его воли. Такие предложения, как один из возможных вариантов волеизъявления, соотносятся с личными двосоставными предложениями, где безлично-предикатному слову отвечает глагол *muset*, например:

Je nutno jítí – Musíš jítí. Напр.: *Bylo mu uloženo...* (V. Dyk) – *Někdo mu uložil ... (musí to udělat)*; *Nutno začítí zpředu* (P. Kles) – *Musí začítí zpředu*; *Je nutno jítí za svým osudem* (J. K. Ze Lvovic) – *Musíš jítí za svým osudem*.

В чешском языке такие конструкции выражают пассивность субъекта по отношению к необходимости осуществить какое-либо действие, указывают на внешний, не зависящий от воли исполнителя характер необходимости (Běličová 1983: 110). При этом в модальной категории необходимости заложено сему невозможности альтернативного решения, т.е. абсолютно исключается возможность действовать наоборот, например:

Na to se musí bratohled (L. Vaculik); *Od trestání muselo být upuštěno* (K. Ptáčník);
Bude nutno o ní pojednati zvlášť (K. Čapek).

Специфика лексико-семантического наполнения и категориально-морфологическое оформление предикатов в таких безличных конструкциях чешского языка придает им не только значение пассивности, но и определяет источник действия. Теоретически указание на такой источник действия может проследиваться в структуре предложения в виде творительного падежа, например: *Bylo mi uloženo (kým?) – Bylo mi uloženo ředitelem*.

Как показывают результаты исследований других лингвистов, в чешских безличных предложениях творительный падеж субъекта практически не употребляется, опускается. Такая специфика, возможно, и разрешает определить в конструкциях данной подгруппы еще и неопределенно-личное значение, например:

Bylo mu uloženo vyplatí to slovenému dvacet korun – Uložili mu vyplatí to slovenému dvacet korun; Bylo mi uloženo – Uložili mu.

Таким образом, значение безличных предложений в чешском языке мотивируется семантикой предикативного ядра. Если собственно-безличные предложения со значением *impersonalia tantum* или состояния одушевленного предмета в чешском языке являются воплощением максимальной семантической безличности, результатом смысловой (пропозиционной) невозможности субъекта, то в конструкциях, предикативное ядро которых составляют личные глаголы, употребленные в безличном значении, безличность функционирует как результат языковой актуализации.

Количество облигаторных компонентов, входящих в структуру предикативного ядра чешских безличных предложений, находится в обратной зависимости от степени

выражения безличности, т.е. чем меньшее количество компонентов принимает участие в образовании безличной конструкции, тем выше степень ее безличности. Также обязательность использования дополнительных распространителей в безличных предложениях зависит от лексико-семантических характеристик предиката и демонстрирует четкую закономерность: чем определеннее является значение личного глагола, употребленного в безличном значении, тем более абстрактной является денотативная природа имени, с которым он соотносится, тем меньше является обязательность распространителей.

ЛИТЕРАТУРА:

- Адамец 1978: *Адамец, П. К.* К вопросу о синтаксической парадигматике. В: Языкознание в Чехословакии: сборник статей 1956-1974. Под ред. Широковой А. Г. Москва: Прогресс, 203-215.
- Андерш 1987: *Андерш, Й. Ф.* Типологія простих дієслівних речень у чеській мові в зіставленні з українською. Київ: Наукова думка, 190 с.
- Арутюнова 1976: *Арутюнова, Н. Д.* Предложение и его смысл. Логико-семантические проблемы. Москва: Наука, 382 с.
- Балли 1955: *Балли, Ш.* Общая лингвистика и вопросы французского языка. Москва.
- Мухин 1980: *Мухин, А. М.* Синтаксический анализ и проблема уровней языка. Ленинград, 303 с.
- Bauer 1972: *Bauer, J.* Syntactica slavica. Brno: Univerzita J.E. Purkyně, 471 s.
- Běličová 1982: *Běličová, H.* Semantická struktura věty a kategorie pádu. Praha: Academia, 160 s.
- Běličová 1984: *Běličová, H.* Ke vztahu tzv. povrchových a hloubkových větných významů. - Československá Rusistika, № 4, 48-157.
- Běličová 1983: *Běličová, H.* Modální báze jednoduché věty a souvětí (K porovnávací syntaxi češtiny a ruštiny). Praha: Ústav pro jazyk český, 154 s.
- Běličová-Křížková 1980: *Běličová-Křížková, H.* Semantická struktura věty, tzv. hlubková struktura a intence slovesného děje. - Slovo a slovesnost 41, 265-273.
- Daneš 1973: *Daneš, Fr.* Práce o sémantické struktuře věty: Přehled a kritický rozbor. Praha: Ústav pro jazyk český ČSAV, 203 s.
- Mluvnice 1987: *Mluvnice češtiny. Díl 3. Skladba.* Praha: Academia.
- Mrázek 1965: *Mrázek, R.* K otázce českých větných schémat a typů. - Slovo a slovesnost 26, 177-181.
- Paněnová, Benešová, Sgall 1971: *Paněnová J., E. Benešová, P. Sgall.* Čas a modalita v češtině. Praha: Univ. Karlová.
- Šmilauer 1966: *Šmilauer, V.* Mluvnice češtiny. Praha: Stát. ped. nakladatelství, 573 s.